

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ
 НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ
 И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. XIII *

(*bariti se и *baruxati, *barušiti; *kyrkati; *str⁽¹⁾*apa* и **str'apiti*, **str'apati*)

*bariti se и *baruxati, *barušiti

Кашуб.-словин. *bařec sq*, *baři* 'взьерошиваться; пыжиться; зазнаваться' (Sychta I, 21) и польск. кочев. *bařić śa* 'взьерошиваться', *nabařić śa* 'взьерошиться, оцетиниться' (Sychta. Słown; kociewskie I, 18) как будто не имеют точных соответствий в лексике других славянских языков. Однако семантическое и формальное сходство позволяют сопоставить этот глагол с с.-хорв. *razbarušiti*, *razbarušiti* 'растрепать, разлохматить волосы', *r. se* 'растрепаться, разлохматиться' (RJA XIII, 449, Iveković—Broz II, 319) и чеш. диал. *barouchat* 'мять, комкать' (Bartoš 12—13), (*roz*)-*baručhat* 'разрушить, привести в беспорядок' (Machek² 47). Последний из этих глаголов — чешский — получил в этимологической литературе два различных толкования. В. Махек считал его производным от итератива (ср. словац. *bárat* 'разрушать, ломать'), восходящего к гнезду *borti (словац. *borit*); *-úchat* при этом истолковано как суффикс интензивного характера (там же). О. Н. Трубачев предположил в чешском глаголе сложные приставки *ba-* и основы глагола *rušiti (ЭССЯ 1, 160). Оба исследователя рассматривали данный глагол как исключительно чешское образование, так что реконструкцию праслав. *baruxati на базе чешского материала О. Н. Трубачев сопроводил знаком вопроса (там же).

При обособленном анализе чешский глагол, действительно, допускает различные этимологические толкования, и древность его проблематична. Несомненно, однако, этимологическое тождество чеш. *barouchat*, (*roz*)*baručhat* с с.-хорв. *razbarušiti* (*se*): в структурном плане они представляют собою однокоренные глагольные основы на *-a-* и *-i-*, а значение сербохорватской лексемы — 'растрепать, разлохматить волосы' — может быть понято как конкретизация, частный случай чешской семантики 'разрушить; привести в беспорядок'. В таком случае значительно возрастает вероятность праславянской древности основы *baruxati, давшей чеш. *barouchat*, (*roz*)*baručhat*, и появляются основания для реконструкции соотносительной основы на *-i-* — праслав. *barušiti, как источника с.-хорв. *razbarušiti*.

Возвратимся теперь к кашуб.-словин. *bařec sq* 'взьерошиваться; пыжиться; зазнаваться' и польск. диал. *bařić śa* 'взьерошиваться'.

Представляется, что их значение 'взъерошиться' очень близко к 'растрепать, разлохматить волосы' (с.-хорв. *razbarúšiti*) и вместе с ним — к 'разрушить; привести в беспорядок' (чеш. (*roz*)*barúchat*). Есть между этими глаголами и формальное сходство — общность комплекса *-bar-*. Следовательно, возможно предположение о родстве всех трех лексем. Но введение в эту группу кашубско-словинского глагола *bařec sq* и польск. *bařić sa* обнаруживает суффиксальную природу комплексов *-ux-* и *-uř-*¹ в чешской и сербохорватской формах и приводит к выделению в качестве корневой морфемы *bar-*. Тем самым получает подтверждение этимологическое решение В. Махека, отнесшего чеш. *barouchat* к гнезду праслав. **borti*.

Непосредственной производящей основой для чеш. *barouchat* Махек считал итеративную *-a-*основу — словац. *bárat'*, поскольку она характеризуется удлинением корневого гласного. Но кашуб.-словин. *bařec sq*, польск. *bařić sa*, являясь *-i-*основами (наст. вр. *baři*), также содержат корневое *a < õ*.

Среди славянских глаголов гнезда праслав. **borti* есть *-i-*основа с корневым *o* — это с.-хорв. *bòriti se*, словен. *boríti se*, словац. *borit' sa*, ст.-польск. *borzyć* (Варшавский словарь I, 193), блр. *бóриць* (Носович 31). Эту *-i-*основу обычно считают не регулярным итеративом, а следствием преобразования корневого инфинитива, восходящего к **borti*, под влиянием основы настоящего времени, во избежание омонимии с продолжениями праслав. **bьrati* (Skok I, 189)². Однако это толкование вероятно лишь для ю.-слав. *boriti se*, которое обычно и рассматривается в изоляции, но ср. приведенные выше формы западно- и восточнославянских языков. Они свидетельствуют о правомерности реконструкции праславянского итератива **boriti (sę)*. Как соотносятся с этим итеративом формы кашуб.-словин. *bařec sq*, польск. *bařić sa*? Представляется, что эта вторая *-i-*основа может быть и преобразованием первой, с вторичным удлинением корневого гласного (**õ > a*), и самостоятельным образованием от **borti*, также с корневым удлинением. Отношения **borti* — **bariti* подобны паре **pluti* — **plaviti*, хотя точных аналогий для **borti* — **bariti* со структурой корня [согласный + *o* + *r*] все-таки нет. Праславянский язык имел лишь один глагол, структурно тождественный **borti*, **bor'q*, — **porti*, **por'q*, в соответствии с которым есть *-i-*основа с.-хорв. *pòriti*, однако основа на *-i-* с корневым **õ > a* в этом гнезде пока не отмечена. Но параллелизм однокоренных *-i-*основ с кратким и долгим вокализмом, аналогичный случаю **boriti* — **bariti*, хорошо известен в славянских языках: ср. **gójiti* — **gajiti*, **moriti* — **mariti* и под.

**kyrkatì*

В русских говорах различных групп зафиксирован с разными префиксами, но близкими значениями глагол *-кыркать*: ср. волог. *вйскыркать* 'выскоблить; скобля, сделать чистым и гладким' (Вологод. словарь А—Г, 99), новосиб. *проскыркать* экспр. 'на-

сквозь проскрести что-либо' (Новосиб. словарь 445), урал. *поскыркать* 'покопать, порыть, поскрести', *поскыркаться* 'побраниться, поссориться' (Сл. Сред. Урала IV, 104). Из других славянских языков этот глагол имеется, кажется, лишь в польском — это диал. *kurkać* 'рвать или дергать за волосы, взлохмачивать' (Варшавский словарь III, 659). Семантика глагола позволяет признать в качестве родственного имени рус. диал. волог. *выскирь*, *выскырь* 'вывороченное с корнем дерево' (Вологод. словарь А—Г, 99), которое, в свою очередь, явно связано с арханг. *ускирёк* 'осколок, черепок'. Сопоставление глагола с этими именами свидетельствует о корне *kur-*. Семантика соответствующих лексем допускает возведение этого корня как к этимологическому гнезду и.-е. **(s)ker-* (> слав. **(š)čer-/*(s)kor-*), так и к и.-е. **(s)keur-*, которые объединяются значениями 'резать, драть'. В структурном плане более экономно отношения рассматриваемой группы лексем с корнем *kur-* к гнезду и.-е. **(s)keur-*, поскольку признание первичности корня и.-е. **(s)ker-* ведет к необходимости предположения о действии вторичного аблаута, что в данном случае маловероятно³. К гнезду и.-е. **(s)keur-*, помимо рус. диал. *ускирёк* и вышеупомянутого *выскирь*, относятся рус. *чурка*, *чурбáк*, *чурбáн* (Фасмер IV, 387), в литовском языке — лит. *kiūrti* 'становиться дырявым', *kiáuras*, лтш. *caĩrs* 'дырявый', лит. *skiaurė* 'продырявленный челн, служащий рыбным садком'; сюда же входят греч. *σκόρος* 'осколки камня, щебень', гот. *skaurō* 'лопата' (Pokorny I, 954). Значения анализируемого *-kyrkati* 'скрести, скоблить; драть, дергать' хорошо согласуются с семантикой перечисленных лексем.

Элемент *-k-*, следующий за корнем в глаголе *-kyrkati*, является весьма распространенным в славянском глагольном словообразовании экспрессивным суффиксом⁴. Фиксация глагола в русских и польских говорах позволяет предполагать праславянскую древность основы. Правда, структура *kyrk-* для праславянского фонетически не регулярна. Нередко подобные структуры в отдельных славянских языках являются рефлексами праслав. **CRC-* (где *C* — согласный, *R* — сонант), ср. рус. диал. вят. *кърхатъ* 'говорить шепотом' (Даль² II, 230), однако в этих случаях параллельно с корневым *-yr-* отмечаются обычно формы с регулярными рефлексами *г*, ср., например, рус. *кърхатъ* псков., смол. 'кашлять', псков. 'быть нездоровым' (Филин 16, 204) — олон., яросл. *корхотать* 'кашлять' (Филин 15, 28) — *кърхатъ* псков., твер., смол. 'харкать', твер. 'жить, страдая болезнью' (Филин 13, 108). При глаголе *-kyrkati* таких параллелей нет. Учитывая экспрессивность глагола, можно, кажется, признать возможной фонетическую аномалию, то есть сохранение корневого *-yr-* при присоединении суфф. *-k-*. Менее удачной представляется реконструкция суффикса с начальным вокалическим элементом *ъ* — **kyrĕkati*, по типу, например, **bĕžьkati*, от **bĕžati* (SP I, 49 и 247). Подобный вокалический элемент мог развиваться как средство сохранения формы глагольного корня, но имел бесспорно чисто фонетическое значение.

В этимологическом словаре Ф. Миклошича реконструируется праславянский корень **strem-*, производными от которого автор считал польск. *strzępek* 'лоскуток, обрывок', *wystrzępić* 'распустить, раздергать (ткань), обтрепать' и чеш. *střapec* 'бахрома', *střapiti* 'взъерошивать', *třepiti* 'растрепывать' (Miklosich 325). А. Брюкнер, признавая назальность исходного корня, связывал польские лексемы со ст.-чеш. *střepěti* 'заботиться' и рус. *стряпать* (Brückner 522—523). Реконструкцию назального корня для группы чеш. *střapiti* 'щетиниться, сердиться' и др. и польск. *strzępić* 'растрепывать', н.-луж. *tšepliš* 'растрепать, раздергать, разодрать в клочки' сохранил В. Махек: он предполагал **strępiti* < **s-rem-* (с *s-mobile* и вставным *t*), которое дало также праслав. **reša* (Machek² 585). А ст.-чеш. *střepěti* рассматривается при этом как родственное с лит. *stropà* 'прилежание, усердие' и отражающее экспрессивное смягчение *r* (там же, 586). С другой стороны, была сделана попытка генетического объединения чешско-польской группы лексем, приведенной Миклошичем, с рус. *тряпка*, в котором видят производное гнезда **trepati* с экспрессивной назализацией (Фасмер III, 112—113). В. И. Абаев считает возможным присоединить сюда и рус. *стряпать*, др.-рус. *стряпати* 'медлить, работать'⁵.

Группа ст.-чеш. *střepěti* — рус. *стряпать* (см. выше сопоставления Брюкнера), к которой следует присоединить укр. *стряпати* 'медлить', явно семантически обособлена от прочих упомянутых выше образований, выражающих значения 'растрепывать, взъерошивать; обтрепанный; обрывок'. Поэтому, рассматривая этимологию последних, следует вначале оставить эти глаголы в стороне.

Что касается приведенных этимологических толкований группы лексем чеш. *střapiti* (*se*) 'щетиниться', *střapec* 'бахрома', *třepiti* 'растрепывать', польск. *strzępić* 'растрепывать', *wystrzępić* 'распустить, раздергать (ткань), обтрепать', *strzęp* 'лоскут, обрывок', то при различиях в реконструкции исходного этимологического гнезда и в определении дальнейшего родства их всех объединяет принятие для этих лексем назализованной формы корня. Действительно ли обязательна эта форма для всех лексем и к какому гнезду они восходят?

Прежде всего нужно обратить внимание на чеш. диал. *střap* 'лоскут'. Махек охарактеризовал его как продолжение праслав. **strapъ* с экспрессивным смягчением *r*, но внутриславянских связей слова не указал, признав родство лишь с греч. *ῥάπος* (Machek² 585). Однако совершенно очевидны не только структурное тождество корня, но и семантическая близость *střap* к *střapiti se* 'щетиниться', *střapec* 'кисть'. Последние же толкуются Махеком как продолжения **strem-* (см. выше). Этимологически отождествляя все эти чешские лексемы с корнем *střap-*, для чего есть все основания, следует выбрать для них одно общее толкова-

ние. Выбор определяется привлечением дополнительного материала. В статью о чеш. *střapiti* Махек включил словац. *strapec, strapatý* (см. выше), но их форма не предполагает ни экспрессивного смягчения *r*, ни назализации корневого гласного. Со словацкими лексемами структурно тождественны по корню (а прилагательное — и по суффиксу) укр. диал. *стрáп'я, стрáпки* 'отрепье, рубище' (Гринченко IV, 213), *стрáпáтий* 'растрепанный, обтрепанный' (там же). Поскольку нет оснований считать словацко-украинскую форму корня с твердым *r* вторичной по отношению к чешской форме с **r'*, то можно предположить, что вторичной является именно форма со смягчением *r*, то есть распространить гипотезу об экспрессивном смягчении, предложенную Махеком для *střap*, и на другие чешские лексемы с таким корнем: *střapiti, střepec*.

Генетическое определение рассмотренных лексем, содержащих корень **strap-/*str'ap-*, при учете их семантики 'взъерошивать; растрепывать; лоскут; отрепье; кисть', в сущности, почти однозначно: они должны принадлежать к гнезду праслав. **trep-*. В семантическом плане это достаточно очевидно, а в структурном подтверждается наличием в гнезде **trep-* образований с корневым **ō > a* и возможностью смягчения в них корневого *r*, ср. блр. *тpан* 'дорога, тропа' (Яшкін, 190, Miklosich 361), кашуб.-словин. *тřap* 'грязь на дороге; мокрый снег с дождем; жидкий суп' (Sychta V, 396); ср. также с.-хорв. *сѹтpана* 'неуклюжая, неловкая женщина; неповоротливая челядь' (Skok III, 491), однако в южнославянских языках корневое *-pa-* двусмысленно.

Приведенное выше кашуб.-словин. *тřap* 'грязь на дороге...' интересно еще в двух отношениях. Во-первых, оно показывает, что образования гнезда **trep-* с корневым вокализмом **ō > a* и в лехитской группе славянских языков могли пережить экспрессивное смягчение *r > r'*. Следовательно, возможно, что польские лексемы группы *strzępić, strzępek* отражают двойное преобразование того же **strap-*, что и чешские формы, а именно — сначала экспрессивную палатализацию, а затем характерную для лехитских языков назализацию. Хотя, разумеется, нельзя совершенно исключить для них и однократное преобразование — назализацию исходного **strep-*. Что касается рус. *тряпка*, то здесь равно возможны и назализация **trep-*, и палатализация **trap-*, но последнее, при учете укр. *стрáп'я, стрáпки, стрáпáтий*, представляется более вероятным.

Второй аспект, примечательный в кашуб.-словин. *тřap*, это его значения: 'грязь на дороге; мокрый снег на дороге; жидкий суп.' Название супа здесь не удивительно, особенно если учитывать значения глагола **trepati* типа чеш. *třepati* 'трясти; взбалтывать' (вероятно, именно таково и было первичное значение этого глагола). Но интересно, что обозначения различных блюд, производные от **trepati*, довольно часты, например, в чешском языке: ср. юж.-чеш. *třepáč* 'вид печенья', *třepák* 'картофельная лепешка', *třpalky* 'картофельные галушки' (Machek² 657). В связи с этим

представляется существенным тот факт, что в рус. *стряпать* и его производных весьма ярко выступает семантика приготовления пищи.

Обращаясь к этимологии группы рус. *стряпать*, др.-рус. *стряпати* 'медлить; работать; улаживать дело', укр. *стряпати* 'медлить', ст.-чеш. *střepěti* 'заботиться' и чеш. диал. *třápati* 'прятать, сберегать' (последнее имеет в словаре В. Махека самостоятельное толкование — фонетически маловероятное сравнение с лит. *taurpėti* 'сберегать', но одновременно включено в качестве родственного в статью о ст.-чеш. *střepěti*, см. Machek² 586), следует отметить отсутствие сколько-нибудь надежных сопоставлений (ср. Фасмер III, 785—786). Даже наиболее привлекательное из них — сравнение с лит. *stropà* 'прилежание, усердие' (принятое, например, Махеком — см. Machek² 586) — вызывает сомнения вследствие несоответствия этого гнезда (ср. лит. *strópti* 'поразить; заставить врасплох', вост.-лит. *stràpât* 'спешить' — др.-рус. укр. *стряпати* 'медлить'), которое оправдывает отождествление прежде всего с рус. *торопить* (Fraenkel 925). Выше уже упоминалось о том, что группа рус. *стряпать* и др. сопоставлялась с отдельными образованиями из рассматриваемой здесь группы с корнем **(s)trap-* > **(s)tr'ap-*: с польск. *strzępić* (Брюкнер), с тем же *strzępić* и с *трянка*, *тrepать* (Абаев). Но эти сопоставления не были подкреплены семантическим анализом. Поэтому и представляется существенным отмеченное перекрещивание семантики *стряпать* и **(s)trap-* в обозначениях приготовления еды и различных блюд (см. выше). В семантике группы *стряпать*, помимо сферы приготовления пищи, отчетливо выделяется еще сфера работы — заботы. В связи с этим вызывает особый интерес гипотеза Ф. Копечного: рус. *стряпня*, ст.-чеш. *střiepně* предлагается связать с лат. *strepitus* 'звук; шум, гам', причем специально отмечается регулярность связи значений 'толкать; стучать' и 'заботиться', что аргументировано парами рус. *хлопать* дверью — *хлопотать*, чеш. *troska* 'обломок' — польск. *troska* 'забота', болг. *тrepя* 'убивать' — *тrepя се* 'выбиваться из сил, стараться'⁶. Собственно, родство рус. *стряпня*, чеш. *střiepně* и лат. *strepitus* представляется если и возможным, то не обязательным и очень далеким. Но важны свидетельства семантических связей и их фиксация в гнезде **trepati*. Они свидетельствуют о том, что возможна принадлежность группы рус. *стряпать*, укр. *стряпати*, ст.-чеш. *střepěti* со всей ее двойственной семантикой к гнезду праслав. **trepati*. Правда, при учете именно этой двойственности, непосредственная связь значения 'работать, заботиться' с 'дергать, тrepать' является не единственным вероятным объяснением появления в гнезде **trepati* значения 'работать, заботиться'. Равным образом возможно и развитие этого последнего на базе значения 'готовить еду'.

Если группа глаголов рус. *стряпать* и др. входит в гнездо **trepati*, то для нее, как и для группы чеш. *střapiti se* 'щети- ниться', *třepiti* 'растрепывать', *střap* 'лоскут', словац. *střapec*

'кисть', укр. *strán'я*, *stránki* 'отрепье' и др., наиболее вероятной представляется исходная структура корня **strap-* с последующим экспрессивным смягчением.

Включение группы чеш. *sřapiti se*, *třepiti*, *sřap*, польск. *strzępić* и др. и группы рус. *стрипать* в праславянское этимологическое гнездо с корнем **trep-*, естественно, ведет к постановке вопроса о природе начального *s* во всех лексемах этих двух групп: восходит ли это *s* к древнему *s-mobile* или является рефлексом префикса **sъ-*? Категорическое однозначное решение здесь вряд ли возможно. Интересно, что образования с начальным *s* в гнезде **trep-* за пределами рассматриваемых здесь лексических групп вообще отсутствуют. Следовательно, префикс **sъ-* маловероятен. Среди индоевропейских соответствий начальное *s представлено, кажется, в алб. *shtip*, *shtyp* 'растаптывать, раздалбливать' (Рокорну I, 1094). Поэтому наиболее вероятным представляется сохранение в структуре слав. **str'apa*, **str'apiti* и **str'apati* рефлекса и.-е. *s-mobile*.

Примечания

* Предшествующие статьи этой серии см.: Этимология. 1971 (М., 1973) — Этимология. 1978 (М., 1980); Этимология. 1980 (М., 1982) — Этимология. 1983 (М., 1985).

¹ О суф. *-ux-* в глаголах см.: Słownik prasłowiański I, 51.

² См. также: Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. P., 1966, t. III, 298.

³ См. об этом подробнее в связи с рус. арханг. *ускирёк*: Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984, 125—126.

⁴ См.: Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. — In: Słownik prasłowiański I, 49—50.

⁵ Абаев В. И. Несколько замечаний к славянским этимологиям. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, 12—13.

⁶ Kopečný F. Slavistický příspěvek k problému t. zv. elementární přibuznosti. — В кн.: Языковедские исследования в честь на акад. Ст. Младенов. С. 1957, 379.

В. Э. Орел

О НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАЗВАНИЯХ ДЕРЕВЬЕВ

В настоящей работе наше внимание будет сосредоточено на основных путях мотивации и формирования ряда славянских и индоевропейских названий и в *ы* (*Salix*) и связанных с ними наименований некоторых других деревьев. Едва ли требует специальных комментариев то, сколь видное место занимает ива в духовной культуре многих индоевропейских народов, в том числе и славян; однако тесные рамки статьи не позволяют нам предпринять сколько-нибудь обширные экскурсы в эту область¹. Необходимо